

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

З. В. Удадьцова. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., «Наука», 1974.

На протяжении последних лет исследователи часто встречали в советских и зарубежных журналах и изданиях статьи З. В. Удадьцовой, посвященные творчеству и мировоззрению ранневизантийских историков.

Эти статьи привлекали внимание умением автора выделить специфические и оригинальные черты в творчестве того или иного историка, дать развернутую характеристику его мировоззрения, социально-политических воззрений.

Рассматриваемая работа представляет собой сводный итог многолетних исследований автора в этой области. Но если в предшествующих статьях резко выделялись индивидуальные черты мировоззрения и исторического творчества различных ранневизантийских авторов, то в монографии наряду с этим скрупулезно прослеживаются и выявляются черты общей эволюции исторической мысли, сдвигов в мировоззрении ранневизантийских историков. По существу мы впервые имеем общую последовательную картину «внутреннего» развития светской византийской историографии IV—VII вв.

Советская наука всегда уделяла политической мысли и воззрениям этой кризисной переломной эпохи большое внимание. Достаточно вспомнить цикл исследований М. В. Левченко о Синезии и Агафии, Н. В. Пигулевской, автора рассматриваемой монографии, чтобы увидеть, что труд З. В. Удадьцовой в определенной мере завершает длительный этап изучения идеологии и историографии ранневизантийского общества в нашей науке и является бесспорно итогово-обобщающим.

Это во многом объясняет его важнейшее достоинство. Пожалуй, главным научным достижением автора является то, что он удивительно органично сочетал элементы глубокого источниковедческого анализа с параллельным изучением мировоззрения и общественно-политических взглядов рассматриваемых авторов, в максимальной степени добившись того, что каждая из этих линий исследования могла дать для обогащения другой. Поэтому можно говорить не только о значимости данной работы в двух планах: источниковедческом и мировоззренческо-историографическом, плане изучения общественно-политической мысли ранней Византии, в каждом из которых автор во многом пополняет существующие представления и оценки, но и об определенном их синтезе, который во многих отношениях делает эту работу новаторской по характеру и принципиально существенной по своим обобщениям и выводам.

Думается, что автор совершенно правильно выделил и взял в качестве главного объекта своего исследования светских историков, с одной стороны, более непосредственно связанных с античной традицией, с другой — более живо и непосредственно откликавшихся на происходящие события, раскрывавших свои личные и групповые субъективные позиции и отношения.

Известной сильной стороной З. В. Удадьцовой как исследователя является глубокая диалектичность ее подхода, которая особенно проявилась в свое время при изучении ею сложных и противоречивых процессов и сдвигов в мировоззрении, общественно-политических взглядах и настроениях последних столетий существования Византии. Эти черты в полной мере проявились и реализовались в ее подходе к сложным процессам развития и ломки мировоззрения и общественно-политических воззрений кризисной эпохи IV—VII вв.

З. В. Удадьцова совершенно справедливо рассматривает ранневизантийскую историографию как органичное продолжение античной, в то же время выделяя ее известные принципиально новые черты, элементы специфически византийского характера, и в полной мере учитывает в своем исследовании результаты изучения ранневизантийской историографии (Ав. и Ал. Кэмерон и др.), показавшего, что зависимость ранневизантийских историков от античных традиций была меньшей, чем считалось раньше, что в их творчестве было больше собственного и оригинального.

Подобные выводы делались ранее преимущественно в результате источниковедческих исследований, изучения историографических воззрений и традиций ранневизантийских историков, отражения в их трудах борьбы языческих и христианских

воззрений и идеалов. З. В. Удальцова идет в этом направлении дальше и ставит проблему шире: «Дискуссия по этим проблемам еще далека от завершения. Думается, однако, что не следует сводить спор преимущественно к вопросу о борьбе языческой и христианской идеологии. Необходимо связать воедино политическое и религиозно-философские взгляды. . . и установить их социальную направленность» (стр. 276). Эта задача ставится как основная перед самим автором и пронизывает и объединяет всю работу. Именно поэтому детальный анализ мировоззрения и общественно-политических взглядов ранневизантийских историков занимает в монографии большое место, и можно отметить много несомненных и удачных выводов автора, когда анализ идейно-философских или этических представлений того или иного писателя позволил З. В. Удальцовой точнее определить его общественно-политические воззрения. З. В. Удальцова пишет, что ее задачей было «проследить, как отражалась идейно-политическая борьба в исторических сочинениях того времени» (стр. 5). Думается, что автору, практически осуществившему комбинированный анализ мировоззрения и общественно-политических взглядов, удалось больше — показать те общие сдвиги в идеологии, философских, этических и общественно-политических воззрениях, которые происходили в тот период, определить важные вехи этого процесса, обнаружить существенные проявления ломки старой идеологии, выявить важные элементы рождающегося нового. С этой точки зрения книга З. В. Удальцовой — несомненный вклад в изучение эпохи кризиса и разложения античного общества и зарождения феодального, в разработку дискуссионной проблемы перехода от античности к феодализму в Византии.

Книга написана живо, интересно и динамично. Автор учитывает все новые точки зрения и оценки, полемизирует со своими оппонентами. Читатель оказывается как бы втянутым в процесс оценки, критического осмысления новейшей литературы.

Нельзя не признать удачной и композицию книги, последовательность и взаимосвязь ее разделов. Несмотря на то, что формально она распадается на ряд очерков о крупнейших византийских историках, на первом плане на протяжении всей книги остается общее движение исторической мысли Византии, отрицание старого в мировоззрении византийских историков и зарождение элементов нового.

Совершенно справедливо первый и наиболее большой раздел исследования посвящен Аммиану Марцеллину (стр. 7—82), исторический труд которого в самых разных аспектах в последние годы все более высоко оценивается современными историками. Обычно его рассматривают как последнего античного историка. И с достаточными основаниями З. В. Удальцова в полной мере учитывает античные черты и традиции его творчества. Но в центре ее внимания не эти традиционные для историографии Аммиана моменты, а черты современного и нового, то, что в конечном счете позволяет прийти к выводу о том, что Аммиан должен считаться «не только последним великим римским, но и первым византийским историком» (стр. 82). Думается, что автору удалось убедительно показать и то, что «органическая связь античной и ранневизантийской историографии нашла свое выражение в творчестве Аммиана» (стр. 320), и то, что он одновременно был и «основоположником светского течения в историографии ранней Византии, течения наиболее адаптировавшего основные достижения античной исторической мысли» (стр. 320), «первым византийским историком» (стр. 82).

З. В. Удальцова тщательно прослеживает черты нового в мировоззрении Аммиана, элементы религиозного индифферентизма, остатки античного оптимизма. Существенным является выяснение связи мировоззрения Аммиана с кризисом общества, отражения последнего в его произведениях. Очень важна характеристика Аммиана как «одного из основоположников» «оппозиционного направления». Последнее уходило своими корнями в античную гражданскую историографию и было связано с идеалами и позицией отживающих, античных групп, более тесно связанных с язычеством и античными идеалами. Но именно в эпоху кризиса его представители более живо откликнулись на современные события, для их творчества типичны были обличительные тенденции. З. В. Удальцова убедительно показала, что данное направление характерно для ранневизантийской историографии. Совершенно справедливо она видит в этом доказательство конкретной ценности ранневизантийской историографии, ее «актуальности».

Следующая глава книги посвящена писателям «круга Аммиана» — Евнапию, Олимпиодору из Фив, Зосиму. С большой тщательностью З. В. Удальцова прослеживает эволюцию в мировоззрении и политических взглядах. Она отмечает, что Олимпиодор, например, был «одним из первых византийских писателей, который понял, что без участия варваров империя не в состоянии победить варварство» (стр. 92). Интересный очерк посвящен мировоззрению и политическим взглядам Зосима, и не только как отдельного историка, но как завершающего плеяду представителей языческой оппозиции, как конец языческой историографии Византии, «последний взлет языческой исторической апологетики» (стр. 98). Его «Новую историю» З. В. Удальцова не считает удачным произведением, по ее мнению, оно свидетельствует о явном упадке языческой историографии.

Справедливо выделяются в отдельную группу Приск, Малх и Кандид, отражающие новый этап в развитии византийской историографии, более официозной, на которой уже лежат «лишь отблески идей» языческой оппозиции (стр. 144). Особого внимания заслуживает здесь (гл. III) очерк о Приске, в котором скрупулезно рассматривается

его отношение к варварам и даются интересные для исследователей оценки научной значимости важнейших свидетельств Приска о варварах.

Немало проблем и по сей день ставит перед историками творчество Прокопия. Глава о нем (гл. IV) — одна из центральных в монографии. Автор подробно излагает биографию, мировоззрение Прокопия, глубоко анализирует его творчество. Он решительно высказывается против «скрытого язычества» Прокопия и приводит дополнительные аргументы в пользу христианских «основ» его мировоззрения. В целом оно уже христианское, но с индифферентным отношением к религиозным проблемам. В этом плане Прокопий занимает особое место в византийской историографии и поэтому вряд ли может рассматриваться как некое продолжение старой языческой оппозиции. Он скорее первый христианский светский историк, историк переходной поры, не утративший лучших традиций светского антично-ранневизантийского историописания и в какой-то мере даже вскормленный ими, но в то же время еще не подавленный традициями христианской историографии, всеобъемлюще-христианским мировоззрением и подходом.

Тем отчетливей выступают социальные основы недовольства и критики Прокопия. Автор убедительно показывает различия в мировоззрении Прокопия и языческих историков предшествующей поры. Хотя Зосим был последним представителем языческой историографии, для него, как и для других представителей этого направления, при всем их недовольстве характерен был определенный оптимизм в оценке будущего империи и Константинополя. Существенной отличительной чертой воззрений Прокопия является пессимизм, связанный не с индивидуальными особенностями характера Прокопия или новым шагом в изживании жизнеутверждающих традиций античного мировоззрения, а с углублением идейно-политического кризиса, с более глубоким осознанием обреченности интересов тех кругов старой сенаторской аристократии, которые представлял Прокопий. Дальновидность и информированность писателя, по мнению автора, заставляла его ощущать и соответственно отражать в своих произведениях эти ощущения острее, чем другие современники.

Автор совершенно прав в том, что оценку творчества и взглядов Прокопия нельзя дать, не сопоставив его с его младшим современником — Агафием, оценка мировоззрения которого также ставит немало проблем. В свое время многие исследователи отмечали его больший демократизм и в то же время больший оптимизм его взглядов, корни которого также не приходится искать только в особенностях характера Агафия. Отличия в его взглядах и мировоззрении справедливо позволили автору поставить вопрос: «Был ли Агафий провозвестником нового мирозерцания или приверженцем старого? Прямым продолжателем античной или предтечей средневековой историографии?» (стр. 205).

Именно под этим углом зрения автор анализирует мировоззрение и взгляды писателя. Он удачно выявляет больший политический радикализм его высказываний, достаточно остро недовольство знатно-динаматами как социальной категорией (стр. 214). Все это позволяет более четко определить место и позицию Агафия. На вопрос о том, насколько можно рассматривать писателя как выразителя интересов новых социальных сил, автор совершенно основательно дает отрицательный ответ, поскольку Агафий совершенно определенно выступает за «старый порядок вещей» (стр. 214). Равным образом и в своем христианском мировосприятии «он ближе к христианскому миропониманию, чем его предшественники, в том числе и Прокопий». Но вместе с тем «он далек от типично христианского благочестия не только церковных историков, но и Феофилакта Симокатты и Иоанна Малалы» (стр. 228). Несколько больший оптимизм Агафия и тех кругов, к которым он принадлежал, во многих отношениях показателен и примечателен в плане изучения развития идейно-политического кризиса в ранней Византии, но в то же время во взглядах Агафия нет таких черт, которые позволили бы, хоть и с натяжкой, отнести его к идеологам нового. Воззрения ряда историков этой поры, наоборот, скорее свидетельствуют об известном усилении идеологической реакции, отступлении от некоторых прежних «более либеральных» тенденций. Таковы, например, взгляды Менандра, «рабовладельца до мозга костей» (стр. 251), который «более враждебно относится к варварам» (стр. 261), как бы демонстрируя крах иллюзий использовать варваров в интересах империи.

Историком, в известной степени находящимся на рубеже развития светской историографии Византии, выступает Феофилакт Симокатта (гл. VII). «Философские взгляды Феофилакта Симокатты во многом еще перекликаются с античностью (уже только «перекликаются». — Г. К.), но христианская идеология наложила на них уже более глубокий отпечаток» (стр. 325). Его труд пронизан «признанием всеислия божественного промысла» (стр. 286—287).

Автор не упускает процесса развития византийской историографии. Он рассматривает его во всей сложности — в отличие от характерных для многих работ тенденций сводить движение историографии к борьбе языческих и христианских тенденций и идеалов. З. В. Удальцова совершенно справедливо показывает, что античное мировоззрение было шире, чем религиозные представления, христианские и языческие, хотя последние и составляли определенный компонент первого. Восприятие христианства, христианских представлений еще не означало окончательной перестройки, «отказа» от античной идеологии. С этой точки зрения, на наш взгляд, З. В. Удальцова исключительно удачно анализирует все стороны мировоззрения историков IV—VII вв.

Думается, что поэтому ей и удается убедительно показать его явный позднеантичный характер и выявить ту хронологическую грань, когда оно в основе своей качественно меняется, становясь уже средневековым. З. В. Удальцова совершенно справедливо исходит из того, что такой качественной гранью является время, когда христианские воззрения стали определять всю систему мышления и мировосприятия. Это качественно новое отношение З. В. Удальцова находит у Феофилакта Симокаты, отмечая не только новые доминирующие черты в его мировосприятии, но и, что становится дополнительным аргументом в пользу ее выводов, — связанное с этим новое в самом характере его произведения, не свойственное старым традициям светского, «гражданского» историописания, — активно христианский подход ко всем событиям: «Впервые в историческом труде светского характера автор явно стремится показать свою ортодоксальность и приверженность к христианской религии никейского вероисповедания», «требует решительного отстаивания истинности христианской веры и борьбы с „ложными“ вероучениями» (стр. 289). Суммируя все данные, З. В. Удальцова приходит к важному обобщающему выводу о том, что время, отделяющее Симокату от его предшественников, оказалось решающим в окончательной победе христианской идеологии над остатками язычества, а анализ новых черт в характере его произведения дает ей основания говорить о «значительном шаге по пути развития будущей средневековой византийской литературы и значительного отхода от классических образцов античной цивилизации» (стр. 293).

Глава о Феофилакте Симокате как бы дополняется исследованием «Стратегикона» Псевдо-Маврикия (VIII). Исходя из оценки обстановки, описанной в произведении, З. В. Удальцова склоняется к признанию авторства Маврикия и датирует сочинение концом VI—первой четвертью VII столетия. Учитывая специфику произведения, З. В. Удальцова и здесь стремится выявить новые мировоззренческие черты, что позволяет ей говорить как об общем явлении о глубоком воздействии христианской идеологии на труды светских историков, начиная с VII в. (стр. 323). В этих главах речь идет не только о «христианизации» мышления и мировоззрения. Удачно подмечаются некоторые новые черточки и в политической идеологии и философии, также новые по своей направленности — идеи сплочения вокруг государства, выдвижение на первый план тезиса о «благе» государства и т. д. (стр. 317); это дает право автору сделать вывод, что «постепенно в историографии складывается новая философия истории, рождаются зачатки средневековой эстетики» (стр. 324).

Большим достоинством работы является то, что развитие мировоззрения византийских историков IV—VI вв. рассматривается З. В. Удальцовой как сложный диалектический процесс отрицания античной идеологии и зарождения другой, идеологии «нарождающегося феодального общества» (стр. 319). Всесторонний анализ этого процесса позволяет увидеть в начале VII в. некую переломную грань: «Годы, отделяющие Симокату от его предшественников, были, очевидно, переломными в окончательной победе христианской идеологии над остатками язычества» (стр. 323). Завершение этого процесса автор относит к середине VII в. До середины VII столетия еще сохраняются «симпатии к язычеству», сильные элементы еще «внешнего признания христианской идеологии» (стр. 321). В книге рассматривается эволюция мировоззрения и идеологии светской историографии, более тесно связанной с античной идеологией и культурой, античными традициями. Ее представители, как совершенно справедливо отмечает автор, обычно стояли на более «консервативных позициях, защищали умирающий рабовладельческий мир, угасающую античную цивилизацию» (стр. 328). Тем более показательны перемены в мировоззрении этих наиболее консервативных идеологов ранневизантийского общества — как свидетельство решающего перелома в развитии идеологии.

Убеждение в основательности такого вывода возрастает в связи с тем, что первые главы еще раз убедительно говорят о том, сколь сильна была в IV—V вв. античная идеология в мировоззрении ранневизантийских писателей, а в политической жизни, языческая оппозиция (стр. 319). Наиболее ярко это показано при анализе мировоззрения Аммиана Марцеллина. Но с некоторыми характеристиками З. В. Удальцовой вряд ли можно полностью согласиться. Она выступает против представлений о том, что «Аммиан не примыкал ни к одной из борющихся религиозных партий» (стр. 39) и совершенно справедливо выражает неудовлетворенность чересчур общими оценками его как «выразителя интересов» «средних классов», понятия довольно расплывчатого (стр. 61). Более «узкая» «характеристика Марцеллина как идеолога городских куриалов средней руки» также кажется автору хотя и заманчивой, все же еще недостаточно обоснованной» (стр. 61). В конце концов исследовательница приходит к выводу, что Аммиан «принадлежал к той части образованной интеллигенции империи, которая по своим социально-политическим воззрениям объективно в известной степени поддерживала идеологию оппозиционных кругов старой римской senatorской аристократии» (стр. 81). Столь жесткая «привязка» к старой римской senatorской аристократии, в свою очередь, кажется слишком узкой. Вероятно, все же нельзя сбрасывать со счетов как самое его происхождение из «средних кругов», близкий к куриалам, и фактическую принадлежность к ним, так, очевидно, и невозможность, может быть, вообще, но для того времени бесспорно, резко делить интеллигенцию на куриальную и senatorскую. Во всяком случае для времени Аммиана (образец — Либаний) видна очень тесная связь между языческой куриальной и senatorской оппозицией, свидетельствующая

об их общей достаточно большой силе, и оппозиционность Аммиана (выступления против «чрезмерной централизации и деспотизма») отражала общие интересы и тех и других. Судя по идеям Аммиана, на наш взгляд, его можно с достаточными основаниями рассматривать как выразителя общих интересов тех и других, старой части сенаторской и муниципальной аристократии.

Думается, что автор совершенно прав, когда пишет, что «нельзя согласиться с теми учеными, которые пытаются изобразить Зосима чуть ли не последним республиканцем на римской почве» (стр. 96). Но именно поэтому вряд ли можно признать убедительным вывод о том, что для Зосима сенат был только «символом великого прошлого Рима, носителем его культурных традиций» (там же). Отнюдь не с республиканских позиций, но Зосим, видимо, не терял реальной надежды на возможность усиления значения сената, и, может быть, именно с этими реалиями, а не остаточными пережитками античного оптимизма и была связана столь ярко выраженная автором конечная вера в «светлое будущее нового Рима — Константинополя» (стр. 97).

В обширных разделах, посвященных Прокопию, существенно уточняется его мировоззрение и политические симпатии, становится еще более отчетливой его принадлежность к старой сенаторской аристократии, показывается ее сплоченность и консерватизм убеждений (стр. 173—174). Но именно это, видимо, дает новые основания более жестко связывать Прокопия лишь с частью сенаторской аристократии, которую автор справедливо характеризует как «старую сенаторскую аристократию» или даже как «консервативные круги старой сенаторской аристократии» (стр. 173). Это, очевидно, предполагает наличие ее части или частей, стоявших на несколько отличных от прокопиевской позиций. События восстания Ника, как и другие, говорят о наличии по крайней мере трех групп сенаторской знати: поддерживавшей Юстиниана (новой —?), колеблющейся и той враждебной старой аристократии, к которой принадлежал Прокопий. То, что он пытался представлять взгляды своей группы, как взгляды и идеи всего сенаторского сословия, по-видимому, естественно. Но именно поэтому все же трудно видеть в нем «идейный рупор» всей сенаторской аристократии Византии, как это иногда проскальзывает в характеристиках в книге (стр. 180).

Очень интересна глава об Агафий. Анализ его взглядов вновь и более остро ставит некоторые вопросы, в частности вопрос об истоках его оптимизма. Последний в свое время отмечал М. В. Левченко, который связывал его с античным мировоззрением, сближая Агафия с муниципальными кругами. З. В. Удальцова видит корни оптимизма Агафия в том, что «те социальные круги, к которым принадлежал Агафий, имели меньше претензий к правительству Юстиниана, чем оттесненная от власти старая римская аристократия» (стр. 212). Если все же относить Агафия к муниципальным кругам, близким к курiales, то положение их в эпоху Юстиниана вряд ли сколько-нибудь заметно улучшилось, и, вероятно, этим объясняются его «политические высказывания более радикальные, чем у Прокопия» (стр. 212), и открытое осуждение грабительства и притеснений со стороны знати (стр. 214). В целом его приверженность к старому беспорядку. Поэтому, видимо, еще надлежит уяснить истоки его оптимизма, если не сводить его к только античным пережиткам. Если сближать его с курiales, муниципальными кругами, то новые наблюдения, сделанные в главе, чрезвычайно интересны как показатель очень глубокого разложения прежде достаточно определенной и четко очерченной системы взглядов муниципальных кругов, резкого обострения борьбы в ней противоречивых тенденций.

Самым большим достижением З. В. Удальцовой на наш взгляд, является то, что она четко определила важные этапы в изменении идеологии светских ранневизантийских авторов, отражавшие в какой-то мере и сдвиг в идеологии всего общества. Многие ее наблюдения ценны не только для изучения развития последней. Рассмотренная в книге эволюция отношения к варварам, нам кажется, выявляет более четкую линию осознанного стремления использовать их в интересах империи, меньшую боязнь их, чем принято считать, и окончательное крушение этих надежд в VI в. Изучая взгляды, идеологию и позиции историков З. В. Удальцова, естественно, рассматривает и их отношение к народным массам, уточняя значение свидетельств источников. В этом отношении многие ее наблюдения весьма примечательны. Например, оценивая данные Аммиана Марцеллина, она пишет: «В раскрытии, быть может, независимо от воли автора, активной роли масс в истории Римской империи — огромная заслуга Аммиана Марцеллина» (стр. 73). Автор приводит новые доказательства активной роли народных масс империи в борьбе с государством. Последовательный историзм, рассмотрение развития идеологии в неразрывной связи с развитием общества — характерные черты исследования З. В. Удальцовой, которые превращают книгу в нечто более значительное, чем обзор развития историографии, историописания IV—VII вв. За ним отчетливо выступает общая динамика идейно-политической борьбы, идеологии, и поэтому можно говорить о более широком ее значении как одной из первых работ, в которой рассматриваются важнейшие черты сложного процесса ломки старой идеологии и мировоззрения, зарождения новой идеологии в условиях параллельного складывания основ византийской духовной культуры.

Г. Л. Курбатов.